

жение дворянина сопровождалось текстом от первого лица: «По моде убираюсь, по моде наряжаюсь, прутиком подпираюсь, в прекрасных садиках гуляю, амурные песенки напеваю, никогда не работаю, веселюсь и гуляю».¹⁴

Самохарактеристики, встречающиеся на страницах сатирических журналов, напоминают монологи комедийных персонажей. В «Живописце» (1775) Новиков предлагает читателю «послушать», «как молодые люди о науках рассуждают». Наркис, Худовоспитанник, Кривосуд, Щеголиха, Молокосос, Волокита в пространных высказываниях подтверждают справедливость своих значащих имен. Причем рассуждения Волокиты во многом повторяют самохарактеристику дворянина с лубочной картинки: «Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трогающие безделки, вздыхать кстати, хохотать громко, иметь приятной вид, пленяющую походку. . .»¹⁵

Богатые изобразительные возможности традиционного художественного приема реализовались в сатирических «письмах», опубликованных в журналах Новикова. Стиль «писем» прост и приближается к разговорному. Они в равной мере ориентированы на эпистолярный жанр и на устную речь. А. И. Горшков указал на своеобразный характер жанра «писем»: «. . . это была не повествовательная проза, но и не драматургия. Это были опыты создания образа повествователя, образа рассказчика в пределах тех монологических организованных контекстов, которые вмещались в жанр письма».¹⁶ Психологическая достоверность «писем», откровенность их «авторов» создавали впечатление, что «читатель письма < . . . > как бы случайно подслушал чужой разговор».¹⁷

Классический прием самохарактеристики, примененный в жанре «письма», усложнился и стал основой нового художественного стереотипа, значительно более содержательного по своим характерологическим возможностям. Вслед за критической самооценкой персонаж приводит откровенно ложное оправдание своих поступков. Возникает своеобразная цепочка обличительных самохарактеристик и следующих за ними самооправданий. Так в «Трутне», в письме к Ивану дядя рассказывает о себе: «Я сам грешник < . . . > знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных судил по мзде < . . . > и ныне грешу почти противу всех заповедей < . . . > но < . . . > я исполняю церковные предания, службу божию слушаю с сокрушенным сердцем < . . . > и еще прибавил постов. . .» (л. XV). Или в «Живописце»: «. . . многия <я> пустил по миру, да это дело постороннее, и тебе до него нужды нет. Как перед богом не согрешить, как царя не обмануть, как у него не украсть? < . . . > у кого же и украсть, как не у царя; бла-

¹⁴ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 1. № 234.

¹⁵ Сатирические журналы Новикова. С. 289—290, 293.

¹⁶ Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы. М., 1982. С. 55.

¹⁷ Прохоров Е. П. Эпистолярная публицистика. М., 1966. С. 35.